

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

DICTIONARIES AS SOURCES OF RESEARCH

Научная статья

УДК 81.374.4

doi: 10.17223/22274200/34/5

Лексикографические комплексы онежских былин как база изучения идиолекта сказителя эпоса

Мария Александровна Бобунова¹

¹ *Курский государственный университет, Курск, Россия, bobunova61@mail.ru*

Аннотация. Описывается идея создания лексикографических комплексов онежских былин. Характеризуется структура одного комплекса, созданного на базе текстов, записанных А.Ф. Гильфердингом от известного кижского сказителя В.П. Щеголенка в XIX в. На обширном фактическом материале выявляется исследовательская ценность каждого компонента комплекса и показаны возможности его использования для всестороннего изучения идиолекта сказителей эпоса.

Ключевые слова: язык фольклора, лексикографический комплекс, былина, идиолект, сказитель

Для цитирования: Бобунова М.А. Лексикографические комплексы онежских былин как база изучения идиолекта сказителя эпоса // Вопросы лексикографии. 2024. № 34. С. 83–105. doi: 10.17223/22274200/34/5

Lexicographic complexes of Onega epics as a basis for studying the epic narrator's idiolect

Mariya A. Bobunova¹

¹ *Kursk State University, Kursk, Russia, bobunova61@mail.ru*

Abstract. The article discusses one of the problems of linguo-folklore studies – the problem of idiolect. Although folk art, oriented on tradition, does not favour the manifestation of individuality, collectors and researchers of folklore

language have repeatedly drawn attention to the peculiarity of the lexicons of epic narrators. Kursk linguofolklorists use different vocabulary materials to reveal the idiolect specificity of bylina singers. The article talks about the idea of creating lexicographic complexes of the language of individual bylina narrators. The aim of this publication is to reveal the research possibilities of a lexicographic complex for studying the idiolect of epic singers. The structure of one complex, created on the basis of texts recorded by A.F. Gilferding from the famous Kizh narrator V.P. Schegolenok in the 19th century, is characterised. The choice was conditioned by the personality of the singer, whose performing talent was appreciated by the collector, as well as by the sufficient number of texts to analyse. The rich factual material reveals the research value of each component of the complex, including folklore megatext, alphabetic-frequency dictionary, frequency dictionary and concordance. The complete dictionary gives a visual representation of the lexicon of the bylina singer and allows paying attention to individual lexemes and word constructions characteristic for this or that narrator. The frequency dictionary makes it is possible to identify both the most frequently used lexemes and single lexemes, which account for more than half of the vocabulary. Special attention is paid to the concordance, which contains all the contexts in which each lexeme is used. It is suggested that the lexicographic complex provides an objective basis for studying the idiolect of a particular narrator, whose distinctive performance style can be discussed only against the background of the lexicons of other narrators living in the same territory at the same time. For this purpose, a series of electronic complexes of bylinas of several Onega singers is being prepared. Materials of the complex 'Ryabininin' are used for comparison in the article. It is noted that dictionaries, frequency dictionaries and concordances allow identifying common features due to the unity of the genre and the territory of the narrators' residence. However, there are also differences related to the choice of specific linguistic units and their combination in the bylina text, which makes it possible to talk about different types of asymmetry: quantitative, lexical, word-formation, and syntagmatic. It is concluded that further preparation of a series of complexes of bylinas of different narrators will not only confirm the conclusions about the uniqueness of their idiolects, which are influenced by different factors, but will also be a significant contribution to solving the theoretical problem of idiolects in Russian folklore.

Key words: folklore language, lexicographic complex, epic, idiolect, storyteller

For citation: Bobunova, M.A. (2024) Lexicographic complexes of Onega epics as a basis for studying the epic narrator's idiolect. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 34. pp. 83–105. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/34/5

Введение

Одной из проблем лингвофольклористики, наряду с проблемами жанровой и пространственно-временной дифференциации языка фольклора, является проблема идиолектности.

Хорошо известно, что народное искусство в целом ориентировано на традицию, что в принципе не способствует проявлению индивидуального начала. Тем не менее собиратели и исследователи языка фольклора оставили немало замечаний о своеобразии лексиконов исполнителей произведений устного народного творчества. Особенно это касается тех жанров, где личностное начало могло проявиться в большей степени (былины, сказки, причитания)¹.

Одним из первых на роль сказителя эпоса обратил внимание О.Ф. Миллер [1], позже о необходимости учета индивидуальных особенностей былинных певцов говорили другие исследователи. Так, П.Н. Рыбников, открывший эпос в Олонецком крае, отмечал: «У каждого истинного сказителя заметно его личное влияние на склад былины: он вносит в нее свой характер, любимые слова, поговорки» [2. С. 72]. О важной роли исполнителя былин писал российский фольклорист А.Ф. Гильфердинг, который в 1871 г., совершив поездку в Олонецкую губернию, прослушал около 70 сказителей и записал более 300 текстов: «Кроме местных влияний, в былине участвует личная стихия, вносимая в нее каждым певцом; участие это чрезвычайно велико, гораздо больше, чем можно бы предполагать, послушав уверения самих сказителей, что они поют именно так, как переняли от стариков» [3. С. 31]. Собиратель замечает, что «участия личного творчества никто из них <сказителей> не подозревает, хотя оно существует несомненно. Из разговора с любым сказителем вы сейчас увидите, что он вполне чужд сочинительства: он старается петь именно так, как пел его отец, дед или учитель» [3. С. 25–26]. Выделяя в былинах «места типические» и «места переходные», А.Ф. Гильфердинг считает, что личность сказителя проявляется в обоих случаях. Не случайно исследователь приходит к убеждению, «что собранные былины должны быть, при издании, расположены не по предметам, а по ска-

¹ Такие произведения исполняются индивидуально, поэтому в момент исполнения открыты к импровизациям.

зителям» [3. С. 33]. Более того, тексты он предваряет характеристикой исполнителя с указанием его возраста, профессии, взглядов и др.

Об индивидуальном творчестве в фольклоре писали и исследователи XX столетия [4–6]. Отмечая трепетное отношение сказителей к исполняемому тексту, который воспринимался ими как божественный дар, изменение которого навлечет на исполнителя проклятие [7. С. 164], ученые не могли не замечать личностного вклада певца. В частности, российский литературовед, этнограф и фольклорист А.П. Скафтымов утверждал, что «каждый вариант принадлежит своему автору, индивидуально отличному от исполнителей других вариантов. Каждый певец поет свою песню, каждый горит своим огнем пафоса и напряжения, каждый выливает былинку под индивидуальным освещением своего воззрения и чувства» [8. С. 46–47].

Личностное начало, по мнению исследователей, проявляется в манере исполнения, выборе сюжетов, структуре текста, его объеме и т.д. Однако все эти наблюдения часто были попутными и фрагментарными. В последнее время интерес к указанной теме возрос [9–11]. Так, М.С. Родионов обращается к проблеме выявления аспектов влияния личности сказителя на сохранность первоначальной информации былинного текста: «В числе важнейших здесь можно назвать общекультурный и образовательный уровень сказителя, его социальную и профессиональную принадлежность, характер религиозности, степень приверженности фольклорной традиции или, наоборот, склонность к импровизации. Немаловажную роль играют также личность информатора исполнителя (то есть того, от кого он услышал исполняемое произведение), возраст сказителя, определяющий характер его жизненного опыта, и даже гендерный фактор. Все это в совокупности и по отдельности оказывается важнейшим условием сохранения информационного поля произведений русского героического эпоса – богатырских былин» [12. С. 113]. Сказанное определяет актуальность нашего исследования, новизна которого заключается в привлекаемом к анализу фактическом материале (былины, записанные от одного сказителя) и используемых методиках.

Материал и методика исследования

Ученые предлагают разные методики для выявления идиолектной специфики былинных певцов. Характерным для курских лингвофольклористов является взгляд на идиолект сквозь призму словаря [13–15].

Заметим, что первые исследования в этом направлении на рубеже XX–XXI вв. опирались на картотеки, созданные вручную, поэтому не отличающиеся исчерпывающей полнотой. Не учитывались служебные слова, местоимения и имена собственные, а также различные варианты знаменательных лексем. Тем не менее благодаря материалу созданного нами словаря языка онежского эпоса на обширной фактической базе (более 300 текстов, записанных А.Ф. Гильфердингом) мы смогли найти примеры сказительского идиолекта Т.Г. Рябина, одного из наиболее известных исполнителей былин. Этому способствовала особая параметрическая структура словарной статьи, в дополнительно-информационной зоне которой объект описания характеризуется и по сюжету, и по территории бытования, и по исполнительской принадлежности [16].

Однако для всестороннего описания идиолекта, под которым мы понимаем всю совокупность языковых средств сказителя, на наш взгляд, требуются другие формы и инструменты. В этом плане нам кажется перспективным создание лексикографических комплексов былин отдельных исполнителей. О структуре и научной ценности комплексов народных лирических песен, включающих фольклорный мегатекст, алфавитно-частотный словник, частотный словарь и конкорданс, мы уже писали [17]. Лексикографические комплексы создаются с помощью специально разработанной компьютерной программы NewSlov (автор – М.В. Литус), которая в течение нескольких лет совершенствовалась с учетом возникающих потребностей пользователей. Указанная программа позволяет автоматически составлять алфавитный список словоформ, а формирование словника лексем осуществляется самим исследователем, объединяющим словоформы в лексемы, разводящим омонимы и сортирующим материал. Особое устройство программы также способствует созданию конкордансов отдельных групп слов и даже отдельных лексем. В связи с большим объемом комплексов они в большинстве своем представлены в электронном виде и хранятся в лаборатории «Фольклорная лексикография» Курского государственного университета. В ознакомительных целях в ежегодно издаваемом сборнике «Лингвофольклористика» публикуются лишь отдельные компоненты комплексов, например: алфавитно-частотные словники или фрагменты конкордансов [18; 19].

Целью данной статьи является выявление исследовательских возможностей лексикографического комплекса для изучения идиолекта певцов эпоса. Покажем это на примере былин олонечского сказителя

В.П. Щеголёнка (1817–1894). Тексты былин были записаны А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. и помещены в трехтомное собрание онежских былин [20]. Наш выбор был обусловлен личностью сказителя, исполнительский талант которого был по достоинству оценен собирателем, а также достаточным для анализа количеством текстов (11 былин – 12 399 словоупотреблений).

Приведем сведения об исполнителе, представленные в данном сборнике.

Василий Петрович Щеголенок,

крестьянин дер. Боярщины, Кижской волости, 65-ти лет от роду; земледелец и вместе с тем сапожный мастер; приобрел склонность к пению былин еще в малолетстве, слушая своего деда и в особенности дядю Тимофея, который, будучи безногим, сорок лет сидел в углу в доме его отца и занимался сапожной работой. Переняв ремесло дяди, Щеголенок от него же научился и большей части тех былин, которые помнит поныне. Поет он былины не громким, но довольно приятным, хотя уже старческим голосом, соединяя, впрочем, часто в одну былинку разнородные предметы и не придерживаясь определенного размера. Щеголенок был известен г. Рыбникову; осенью 1871 года он побывал в Петербурге. Здесь он прибавил несколько былин к тем, которые он пел собирателю в Кижях и которых тогда не мог хорошенько припомнить; при этом поверен вновь и текст былин, записанных на месте. Все былины записаны «с голоса». Щеголенок, хотя неграмотный, но большой охотник ходить по монастырям и слушать божественные книги; это отзывается отчасти и в тоне его былин [20. Т. 2. С. 287–288].

Анализ материала

Общая характеристика комплекса

Фольклорный мегатекст включает 11 паспортизированных (с указанием номера былины) текстов: «Святогор», «Святогор и Садко», «Первые подвиги Ильи Муромца», «Илья Муромец и Калин царь», «Добрыня и Маринка», «Добрыня и Змей», «Добрыня в опале», «Дунай», «Хотен Блудович», «Чурило», «Дюк». Мегатекст позволяет читателю познакомиться с былинами, а в случае необходимости обратиться и к более широкому контексту для решения исследовательских задач.

С помощью указанной компьютерной программы нами был подготовлен алфавитно-частотный словник, в котором 1 286 лексем. В словник вошли как знаменательные, так и служебные части речи, нарицательные и собственные имена существительные. Обратим внимание на то, что слова с суффиксами субъективной оценки представлены в отдельных словарных статьях, поскольку нередко являются диалектными или специфически фольклорными конструкциями. Например: *грудюшка* 'Фольк. Грудь' [21. Вып. 7. С. 164], *крестьянушко* 'Фольк. Крестьянин' [21. Вып. 15. С. 237], *кустышек* 'Обычно фольк. Небольшой куст, кустик' [21. Вып. 16. С. 162], *лапотики* 'Фольк. Лапти' [21. Вып. 16. С. 265], *невеличенький* 'Ласк. Очень маленький' [21. Вып. 18. С. 331], *сивушка* 'Фольк. Ласк. Лошадь сивой масти' [21. Вып. 37. С. 275], *словечушко* 'Фольк. Ласк. Слово, словечко' [21. Вып. 38. С. 292], *старинушка* 'Ласк. Былина' [21. Вып. 41. С. 75]. Некоторые из них не используются другими онежскими сказителями и зафиксированы исключительно в текстах Щеголенка (например, *грудюшка*, *донушко*, *игрышки*, *пеганенький*).

Полагаем, что полный алфавитный словник дает наглядное представление о лексиконе былинного певца и позволяет обратить внимание на отдельные лексемы и словообразовательные конструкции, характерные для того или иного сказителя.

На базе словника составлен частотный словарь, в котором языковые единицы даются в порядке убывающих частот. Благодаря такому словарю можно выявить как самые употребительные лексемы, так и единичные, на долю которых приходится более половины словника.

Особый интерес для исследователя представляет конкорданс, в котором приводятся все контексты употребления каждой лексемы. Словарная статья наших конкордансов имеет традиционную структуру: заголовочное слово, статистическая характеристика, исчерпывающее число контекстов с паспортизацией – номер быliny (подробнее о конкордансах фольклорных текстов см.: [22]). Приведем фрагмент конкорданса на букву «П».

Понуживать 1. Он и плёточкой коня Добрынюшка *понуживает*, И палицей булатнею Добрынюшка поигрывает <118>¹.

Понукивать 3. Он день-то шол да до пахаря не дошол, Да

¹ В угловых скобках здесь и далее указан номер быliny из собрания А.Ф. Гильфердинга [20]. В примерах сохраняется орфография источника.

другой день-то дороженкой пошел, И пахарь, слышит, попахивает, И лошадку-то пахарь *понукивает*, Да ведь сошка у пахаря поскрыпывает, И третий-то день пошел Щурилушка Щаппленкович, Да ведь тоже пахарь попахивает Да лошадку пахарь *понукивает*, И сошка у пахаря поскрыпывает <127>; Да впереди-то себя пахарь да попахивает, Лошадку-тко пахарь *понукивает*, Да сошка у пахаря поскрыпывает <127>.

Поотдохнуть 1. Да проговорит старой казак Илья Муромец, Илья Муромец сын Иванович: «Ты солнышко Владимир князь стольне-киевской Дай-ко ты мне времени и *поотдохнуть*, Не на много не на мало на двенадцать дней» <121>.

Попадать 1. Да поехал ли Святогор да богатырь Да дороженкой поехал да широкой, *Попадает*-то на встречу Самсон да ведь Самойлович <119>.

В конкордансе не приводятся толкования, но имеющиеся контексты позволяют читателю верно определить (или предположить) значение того или иного слова. При необходимости можно обратиться к диалектному словарю: *понуживать* ‘Слегка понукать, подгонять (лошадь)’ [21. Вып. 29. С. 276], *понукивать* ‘Слегка погонять, понукать (тягловый скот), покрикивать, ободрять окликом’ [21. Вып. 29. С. 277], *поотдыхать* ‘Немного отдохнуть, поотдохнуть’ [21. Вып. 29. С. 289].

Примеры, представленные в конкордансе, могут свидетельствовать о многозначности слова. Так, глагол *расходиться* в одном случае реализует узуальное значение ‘Уйти откуда-л. в разные места (о многих, нескольких)’ [21. Т. 3. С. 625], а в другом – фольклорное ‘*Фольк.* Расходились богатырские руки, жила, сила, плечики могучие. О состоянии крайнего возбуждения, волнения’ [21. Вып. 34. С. 300]. Ср.:

Да вси поляници удалыи

Да вси со двора расходилиси

По своим ли-то полатам богатырским <121>.

Прирубили они всех татар поганых,

Разгорелися сердца богатырския,

Расходились жилы богатырских <121>.

Глагол *распечалить* в русском фольклоре, как свидетельствуют лексикографические источники, может реализовывать противоположные значения: ‘*Фольк.* 1. Заставить печалиться, опечалить. 2. Перестать печалиться, прогнать печаль’ [21. Вып. 34. С. 163]. Щеголенок использует это слово единожды во втором значении, о чем говорит

контекст: *Да ты, ясен сокол детинушка, А зайди-тко ты да на царев кабак, Да ты выпей-ко да чару зелена вина, И запей-ко ты медамы настоялыма, И окати своё ретивое сердечушко, И **роспечаль**-ко ты свои уста сахарныи, **Розвесели** свою буйную головушку <127>.*

Конкорданс также позволяет увидеть семантическое своеобразие диминутивов в былине. Ср., например, словарные статьи ДОМ и ДОМИШЕЧКО.

Дом 3. Говорил ему родитель да рожденные: – Ай же ты, Илей, мы роботаем луг и пожню, Чистим луг-пожню за три поприща от дому <118>; Вы возьмите с меня денежок да пятьдесят рублей, И пятьдесят рублей да со полтиною, Да ведите меня мимо королевской *дом*, Да последне мни-ка с ней проститися, Да последне мне с ней расставатися <127>; Повели его Щурилушку Щаплинкова мимо королевской *дом* <127>.

Домишечко 3. Тут пошел ли-то Щурилушка Щаплинкович От короля в Литвы да от литовского, И пошел-то по городу да Окиянову, И выходит супротиво того *домишечку* питейного. Из питейника *домишечка* выходит-то бабёночка, Бабёночка турыжная да ярыжная <127>; И он зашел ли-то Щурилушка Щаплинкович Да в это-то *домишечко* в питейное, Да он сел-то на скамеечку дубовую, Наливает она чару зелена вина, И запил он тут медамы настоялыма <127>.

Как видим, у слова *дом* реализуются общеупотребительные значения (‘здание, строение’, ‘жилье’), а у существительного *домишечко* в составе атрибутивной пары *питейный домишечко* проявляется особая семантика – ‘кабак’, что подтверждает диалектный словарь: *питейник* ‘Эпитет кабака’ [21. Вып. 27. С. 53].

Особый интерес представляет словарная статья СТЕПЬ.

Степь 6. Как-то видели добра молодца посядучи На этого коня да богатырского А на эту *степь* да лошадиную, А не вид'ли добра молодца поедучи <118>; Когда сел ты на *степь* на лошадиную, Да не жми-тко шпорами булатнима Да меня-то под круты ребра, Да не хлыщи-тко меня плеточкой толковой Да по этой-то по *степи* лошадиною, Не натягивай ты поводов шелковых, И тогда могу служить верой-правдою тебе <119>; Они выехали с града из Киева И в эту путь да в дороженку, Они прижали коней

да богатырских, Они прижали-то шпорами вострыма Да под
этии да под круты ребра, Да ударили их плеточкой шелковою Да
по этой по *степи* лошадиною <125>; Когда сядешь ты на *стень*
да лошадиную, Да не жми-тко ты шпорами булатныма Да под эти
меня да под круты ребра, Не хлыщи-тко плёточкой шелковою Да
по этой по *степи* лошадиною, Не натягай поводов да ты тесмя-
ных, Ты держись-ко за гриву да за святу гриву, Я тошто тебе
служить буду верой-правдою <128>.

Как видим, существительное *стень*, шесть раз употребленное Ще-голенком в четырех былинах, это не ‘равнина, поросшая травой’, а ‘часть тела животного’, о чем говорят синтагматические связи слова (*лошадиная стень*; *сесть на стень*, *посядучи на стень*, *хлыстать плеточкой по степи*, *ударить плеточкой по степи*). Обращение к диалектному словарю подтверждает сделанное предположение: ‘Спина коровы, быка, (чаще) лошади’ [21. Вып. 41. С. 145]. Заметим, что другие онежские сказители в таком значении слово не употребляют, хотя данное существительное зафиксировано в лексиконах нескольких певцов из Водлозера и Кенозера. В их восприятии степь – это дикое и несчастливое место, а существительное *стень*, определяемое прилагательными *саратовский* и *широкий*, встречается во фрагментах описания смерти богатыря и картинах далекого пути. Ср.:

*Как по тым **степям** да по **саратовским***

Одна куревка да завивается,

С горы на гору да с доли на долу <217>.

*А конь-от ходит в **широких степях**.*

А летают вороны-ты черные,

А трынькают тело Добрынино,

Нося суставы все Добрынины <228>.

Таким образом, лексикографический комплекс дает фактический материал для описания идиолекта конкретного сказителя.

Сопоставительный анализ комплексов

Однако говорить о своеобразии поэтической манеры сказителя эпоса можно лишь на фоне лексиконов других сказителей, проживающих на одной и той же территории в одно и то же время. Как справедливо утверждал В.М. Жирмунский, сравнение «не уничтожает специфики изучаемого явления (индивидуальной, национальной, ис-

торической); напротив, только с помощью сравнения, т.е. установления сходств и различий, можно точно определить, в чем заключается эта специфика» [24. С. 177].

В настоящее время нами готовится серия электронных комплексов былин нескольких онежских певцов. Для сравнения привлечем материалы комплекса «Рябинин», построенного на базе 15 былин, записанных А.Ф. Гильфердингом в Кижях в то же время. Разное количество фактического материала не позволяет нам сравнивать абсолютные числовые показатели, однако можно сопоставлять словники и ранг лексем в частотном словаре.

Например, сравним состав словников на буквы «Ж» и «Я», выделив совпадающие слова (табл. 1).

Таблица 1

Фрагмент словников (буквы «Ж» и «Я»)

Рябинин	Щеголенок
<i>жсавролёночек</i>	<i>жсалко</i>
<i>жсалкий</i>	<i>жсать</i>
<i>жсалоба</i>	<i>ждать</i>
<i>жсаловать</i>	<i>же</i>
<i>жсар</i>	<i>жселанный</i>
<i>жсгать</i>	<i>железный</i>
<i>ждать</i>	<i>железо</i>
<i>же</i>	<i>желтый</i>
<i>железный</i>	<i>жена</i>
<i>железо</i>	<i>женатый</i>
<i>жёлтый</i>	<i>женить</i>
<i>жемчуг</i>	<i>женитьба</i>
<i>жена</i>	<i>жениться</i>
<i>женатый</i>	<i>женишечка</i>
<i>женить</i>	<i>женишка</i>
<i>женитьба</i>	<i>жеребец</i>
<i>жениться</i>	<i>жеребчик</i>
<i>женский</i>	<i>жила</i>
<i>женищина</i>	<i>жилицкий</i>
<i>жеребчик</i>	<i>жительство</i>
<i>жеребятушко</i>	<i>жить</i>
<i>живой</i>	
<i>жить</i>	
<i>жо</i>	
<i>я</i>	<i>я</i>
<i>язык</i>	<i>явиться</i>

яровчатый ясный	явный янома ярыжный ясный
---------------------------	---

Обратим внимание на то, что несовпадающие лексемы, как правило, низкочастотны. Данное сопоставление позволяет говорить о лексической асимметрии (наличии в одном и отсутствии в другом перечне).

Общий анализ словариков показал, что среди идиолектно маркированных слов у Щеголенка есть как общеупотребительные (*кабинет, лето, муха* и др.), так и диалектные лексемы: *двенадцатеры* ‘числит., собир. Двенадцать’ [21. Вып. 7. С. 281], *добольня* ‘нареч. Фольк. Очень больно, до боли’ [21. Вып. 8. С. 75], *златница* ‘Монета’ [21. Вып. 11. С. 285–286], *неудаковый* ‘Неудачливый’ [21. Вып. 21. С. 187], *самолёгкий* ‘Фольк. Очень легкий, незначительный по весу’ [21. Вып. 36. С. 90], *сирочество* ‘Фольк. Сиротство’ [21. Вып. 37. С. 351], *турыжский* ‘Распутный, развратный’ [21. Вып. 45. С. 285], *убоище* ‘Фольк. Поле битвы’ [21. Вып. 46. С. 132] и др.

*Да заходит ли младый Добрынюшка Никитинич
Во свой ли кабинет богатырский
Да берет три златницы три серебряных,
И каждая златница стоит сто рублей <118>.
Надевает он одежду богатырскую,
Богатырскую одежду самолёгкую <123>.
Не писана тебе смерть на убоищи <118>.*

Сопоставляться могут отдельные словообразовательные модели, например: наречия с приставкой *по-* и суффиксом *-ому/-ему* (табл. 2).

Таблица 2

Сопоставление словообразовательных моделей

Рябинин	Щеголенок
<i>По-звериному</i>	<i>По-звериному</i>
<i>По-нашему</i>	<i>По-змеиному</i>
<i>По-однакому</i>	<i>По-мужичьему</i>
<i>По-писаному</i>	<i>По-писаному</i>
<i>По-прежнему</i>	<i>По-ученому</i>
<i>По-соловьему</i>	
<i>По-старому</i>	
<i>По-ученому</i>	

Частотные наречия *по-писаному* и *по-ученому* используются разными певцами в составе устойчивой былинной формулы: *Крест кладет да по писаному, Поклон ведет да по ученому* <114>. А слово *по-звериному* необходимо им для характеристики крика Соловья-разбойника. Другое же ассоциативно связанное наречие у сказителей варьируется: у Рябинина — *по-соловьему*, а у Щеголенка — *по-змеиному*. Ср.:

*Засвистал как Соловей тут по соловьему,
Закрывал розбойник по звериному* <74>.
*Тут Соловей Рахманович
Крыкнул по звериному,
Свистнул по змеиному* <112>.

Обратимся к сравнению частотных словарей, верхние позиции которых занимают служебные слова (*и, а, на, за, не*), глаголы-связки (*быть, стать*) и местоимения (*он, ты, я*) как организаторы структуры текста. Представим 25 частотных знаменательных слов в порядке их следования в словаре (табл. 3).

Таблица 3

Сопоставление самых частотных слов

Рябинин	Щеголенок
конь	богатырский
князь	проговорить
Владимир	Илья
добрый	Муромец
говорить	конь
молодой	богатырь
славный	Добрынюшка
чистый	сын
поле	старый
белый	Владимир
Добрынюшка	князь
Илья	казак
слово	слово
богатырский	поганный
матушка	Иванович
богатырь	солнышко
Киев	булатный
великий	могучий
раздолье	русский

<i>стольнокиевский</i>	<i>город</i>
<i>двор</i>	<i>Киев</i>
<i>молодец</i>	<i>Земля</i>
<i>град</i>	<i>Святогор</i>
<i>Муромец</i>	<i>Вдова</i>
<i>старый</i>	<i>взять</i>

В целом частотные словари в верхушечной части соотносятся друг с другом. По этим наиболее употребительным лексемам можно составить представление об основных темах и героях былин.

Особого внимания заслуживают высокочастотные для одного из сказителей слова, не представленные в словнике другого. Так, Щеголенок совсем не употребляет существительное *роздолъице*, которое в словаре Рябинина имеет высокий ранг (82 словоупотребления). Оно, как и слово *роздолъе* (6 словоупотреблений), используется сказителем в конструкции *роздолъице чисто поле*.

Они сели на добрых коней, поехали

По славному роздолъицу чисту полю <73>.

Тут старья казак да Илья Муромец

Он поехал по роздолъицу чисту полю <75>.

Частотный в лексиконе Щеголенка глагол *проговорить* (119 словоупотреблений) не упоминается Рябининым, в то время как оба сказителя используют формы *говорить* и (единично) *испроговорить* ‘Фольк. Проговорить’ [21. Вып. 12. С. 246]. Правда, несколько раз Рябинин прибегает к глаголу *воспроговорить* ‘Фольк. Проговорить, сказать’ [21. Вып. 5. С. 144]. Ср.:

Да проговорит Добрыня таково слово <118>.

Воспроговорил Дунай таковы слова <81>.

Также можно отметить количественную асимметрию, когда частотность какой-то лексемы в идиолекте одного из сказителей в разы превышает числовые показатели в лексиконе другого. Например, прилагательные *могучий* и *поганный* значительно чаще употребляются Щеголенком, а *добрый* и *славный* – Рябининым.

Как видим, словники и частотные словари необходимы исследователю для выявления внешних отличий (лексических, словообразовательных, частотных), а для выявления внутренних (синтагматических) нужны конкордансы.

Так, сравнение словарных статей с заголовочной единицей ГЛУ-БОКИЙ показало, что оба сказителя используют это прилагательное

для характеристики погребя, в который за провинности сажают богатыря.

– Бери-тко младаго Добрынюшку Никитича
За этии за рученьки за белыи,
За этии за перстни за злачёные,
Отведи его во **погребы глубокие**
А за его за речи неумильнии <124>.

Кроме того, этим эпитетом определяют водоемы: Рябинин – море, Окиян-море, Щеголенок – реки и озера.

Уходили-то вси рыбушки во **глубоки моря** <73>.
Конь-то ведь мелкий-то речки перешагивал,
Глубоки озера перескакивал <118>.

И только в былинах Рябинина прилагательным *глубокий* характеризуется *подкоп* ‘Ров’ [21. Вып. 28. С. 43]: Он просел с конём **в подкопы-ты глубокии** <75>.

Если в былинах Щеголенка прилагательное *сахарный* является исключительно эпитетом существительного *уста*, то у Рябинина, кроме данной общефольклорной конструкции (*сахарные уста*), частотна атрибутивная пара *сахарное ествушко* ‘Ласк. Фольк. Еда, кушанье’ [21. Вып. 9. С. 41] и единично сочетание *сахарное деревце*.

Тут кормили его **ествушкой сахарнею**,
А й поили питьицем медвяным <76>.
– Ты посматривай-тко на **сахарне мое деревце** <80>.

Лексикографический портрет слова *сердце*

Для выявления синтагматической асимметрии, которая проявляется в атрибутивных, субстантивных и глагольных сочетаниях, обратимся к словарным статьям СЕРДЦЕ в двух конкордансах. В свое время мы уже делали попытку описания существительного *сердце* в эпосе вообще, привлекая к анализу былины, записанные на разных территориях (Беломорье, Прионежье, Урал, Сибирь) в разное время (XVIII–XX вв.) [25]. Исходя из цели нашего исследования, нам было интересно сопоставить лексикографические портреты¹ указанной лек-

¹ Лексикографический портрет складывается в результате всестороннего описания слова с учетом его значения, частотности употребления, синтагматических и парадигматических связей, а также участия в устойчивых поэтических приемах (сравнение, формула, параллелизм и др.).

семьи в идиолектах двух кижских сказителей. Выбор обусловлен значимостью данного слова в русской языковой картине мира в целом и в эпосе в частности.

Как оказалось, в былинах это существительное используется чаще в переносном значении, являясь символом внутреннего мира человека.

В качестве эпитетов в лексиконах обоих певцов используются прилагательные со значением принадлежности: *богатырское* – у Щеголенка, *богатырское, молодецкое, человеческое* – у Рябина. Нередко оба сказителя используют и притяжательные местоимения *моё, твоё, его, их*.

И уходилось ёго сердце богатырское

А у этой да ведь у сумочки <119>.

Розгорелось его сердце богатырское <118>.

Не утешишь сердца молодецкаго <87>.

На принадлежность указывает и субстантивная конструкция, используемая Рябиным.

И розгорелось сердце у богатыря

Да у старого казака Ильи Муромца <77>.

В былине очень важны действия, связанные с этим жизненно необходимым органом. Чаще всего сердце может *разгореться* ‘Становиться теплым, горячим, начинать пылать, чувствовать жар’ [21. Вып. 33. С. 311], что является показателем высшей степени возбуждения, гнева, ярости богатыря. Щеголенок использует и диалектную форму *разгораться* ‘Приходить в состояние сильного возбуждения, разгораться’ [21. Вып. 33. С. 313].

Россержают они своих коней богатырских,

Розгорается их сердце богатырское <119>.

Являясь средоточием чувств, настроений и переживаний человека, сердце становится выразителем различных эмоций, как положительных, так и отрицательных. У Щеголенка – *сколыбнуться, увеселиться, уходиться* ‘Успокоиться (после пережитых волнений)’ [21. Вып. 48. С. 290], у Рябина – *унывать, ужаснуться* ‘Фольк. Испытать чувство страха, ужаса’ [21. Вып. 4. С. 330].

Увеселилось ёго сердце богатырское:

Очистил-де старой казак Илья Муромец

Путь дороженку да широко

Ко этому ко городу ко Киеву,

Ко тому ли солнышку ко князю ко Владимиру <118>.

Как от покрыку от человечьяго,

Как от ржанья лошадиного

Унывает сердце человеческо <75>.

– Й у того ли у молодого Добрынюшки

*Ёго **сердце** богатырско **не ужахнулось** <79>.*

Сердце в былинах может быть не только субъектом, но и объектом действия. Его можно *разъярени*ть (Щеголенок) и *утеши*ть (Рябинин).

Разъяренил-то свое **сердце** богатырское

И проговорил-то Святотор тут богатырь <119>.

Обратим внимание на то, что только в былинах Рябинина встретилась глагольная конструкция *достать* (*доставать, повиныть* ‘Вынуть, извлечь, откуда-л.’ [21. Вып. 27. С. 275]) *сердце с печеню*. Это сочетание используется во фрагменте описания поединка, завершившегося победой одного из героев, или картине его смерти.

Да пластала бы твои я груди белыи,

Доставала бы твоё да **сердце с печеней**,

Не спросила б я отца твоёго матери,

А ни твоего ни роду я ни племени <87>.

– А й побит Добрынюшка в чистом поли,

– Пороспластаны его да груди белыи,

*– Да й **повынято** его **сердце со печеней** <80>.*

Подмечено, что для фольклора характерны вертикальные внутри-текстовые связи – дискретно-ритмические конструкции [26]. Существительное *сердце* нередко включается в ассоциативные ряды с другими соматизмами: Щеголенок – *сердце... жилы*, Рябинин – *кровь... сердце*. Такие конструкции выполняют усилительную функцию, демонстрируя процесс нарастания ярости богатыря. Это подтверждают и ассоциативные глаголы: *разгореться... расходиться, распылаться* ‘Фольк. Воспылать, разгореться’ [21. Вып. 34. С. 196]... *разгореться*.

Разгорелися **сердца** богатырския,

Росходились **жилы** богатырския <121>.

А й у молода Хотинушки у Блудовича

Кровь-то в нём и **роспылаласи**,

Сердце ёго **розгорелоси**

За эту родительску обидушку <84>.

Для былин Рябинина характерен еще один ассоциативный ряд *плечо... сердце*. Здесь управляющие глаголы *укрять* ‘Фольк. Укротить чью-л. силу’ [21. Вып. 47. С. 102] и *утеши*ть, употребляясь с отрица-

тельной частицей, подчеркивают невозможность достижения поставленной цели.

*Хошь нас подстрелишь двух белых лебедушек,
Не укртаешь плеча могучаго,
Не утешишь сердца молодецкаго <87>.*

Обратим внимание на то, что Щеголенок, в отличие от Рябинина, несколько раз использует диминутив *сердечушко*, что является свидетельством словообразовательной асимметрии. Интересно, что уменьшительно-ласкательное слово отличается от существительного *сердце* своими синтагматическими связями. В качестве эпитета диминутива, который встречается в глагольных сочетаниях *прижимать к сердечушку* и *ока-тить* ‘Доставлять удовольствие, радость (душе, сердцу)’ [21. Вып. 23. С. 115] *сердечушко*, выступает прилагательное *ретивый* ‘Устар. и народно-поэт. Пылкий, горячий (о сердце)’ [23. Т. 3. С. 710].

*И захватывае Добрынюшка ю за ручки,
Прижимае ю к сердечушку ретивому.
Сколыбнулось ёго сердце богатырское <123>.*

Таким образом, сравнение лексикографических портретов слова позволило выявить общие черты, обусловленные единством жанра и, возможно, территориями проживания сказителей. Однако налицо и отличия, связанные с выбором конкретных языковых единиц и их сочетаемостью в былинном тексте, что дает возможность говорить о разных видах асимметрии: количественной, лексической, словообразовательной, синтагматической.

Выводы

Как видим, лексикографические комплексы, представляющие совокупность взаимосвязанных словарных материалов, оказываются основой для всестороннего описания идиолекта отдельного былинного певца. В частности, полный алфавитный словник говорит о богатстве его лексикона, частотный словарь позволяет выявить наиболее употребительные лексемы, указывающие на основные тематические составляющие анализируемых текстов былин, а конкорданс с исчерпывающим перечнем контекстов употребления каждой лексемы способствует не только определению значений слов, но и описанию синтагматических и парадигматических связей разных языковых единиц фольклорного текста.

Исследовательская ценность лексикографических комплексов проявляется также в возможности проведения сопоставительных исследований. Сравнение словарей, частотных словарей и отдельных словарных статей конкордансов былин, записанных в одно и то же время одним собирателем от двух кижских сказителей, свидетельствует о языковом своеобразии каждого из них.

В целом многолетняя работа над словарем языка фольклора убеждает нас в том, что лексикографирование оказывается важным инструментом получения теоретических знаний. В свое время о научной плодотворности содружества теории и словаря убедительно писала О.И. Блинова: «...“Выигрывают” и ТЕОРИЯ, и СЛОВАРЬ. Их взаимосвязь и взаимодействие повышают теоретический уровень исследований благодаря использованию огромного материала, предварительно прошедшего лексикографическую обработку, нередко полисистемную. Повышается уровень и лексикографических работ, вбирающих в себя результаты теоретических разработок...» [27. С. 22].

Полагаем, что дальнейшая подготовка серии комплексов былин разных сказителей не только подтвердит сделанные выводы об уникальности их идиолектов, на которые оказывают влияние разные факторы, но и будет существенным вкладом в решение теоретической проблемы идиолектности в русском фольклоре.

Список источников

1. Миллер О.Ф. Илья Муромец и богатырство Киевское: сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. СПб. : тип. Н.Н. Михайлова, 1869. 830 с.
2. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: в 3 т. Петрозаводск : Карелия, 1989. Т. 1. 527 с.
3. Гильфердинг А.Ф. Олонекская губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года : в 3 т. 2-е изд. СПб : Типография Императорской АН, 1894. Т. 1. С. 1–62.
4. Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М. : Искусство, 1971. 544 с.
5. Новиков Ю.А. Сказитель и былинная традиция. СПб. : Изд-во «Дм. Буланин», 2000. 374 с.
6. Ухов П.Д. Типические места (loci communes) как средство паспортизации былин // Русский фольклор. М.; Л. : АН СССР, ИРЛИ; отв. ред. М. О. Скрипиль, 1957. Т. II. С. 129–154.
7. Кожин В.В. История Руси и русского слова. М. : Алгоритм, 1999. 480 с.

8. Скафтымов А.П. Поэтика и генезис былин: очерки. Москва; Саратов : Книгоизд-во В.З. Яксанова, 1924. 221 с.

9. Лютикова В.Д. Языковая личность и идиолект. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. 188 с.

10. Макарова Н.В. Идиолект сказителя в аспекте былинного текстообразования : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2000. 22 с.

11. Попова Г.С. Идиолект сказителей в эпическом словаре улуса // Общество. Среда. Развитие. 2018. № 2. С. 46–50.

12. Родионов М.С. Влияние личности сказителя на информационное поле былин // Вестник Челябинского государственного университета, 2014. № 16 (345). Филология. Искусствоведение. Вып. 91. С. 112–116.

13. Караваева М.А. Идиолект былинного певца : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 1997. 18 с.

14. Хроленко А.Т. Идиолект былинного певца в словаре языка русского фольклора // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера. Петрозаводск : Гос. истор.-архитектур. и этнограф. музей-заповедник «Кижи», 2000. С. 298–308.

15. Холтобина А.С. Лексика былинного текста: жанровый, диалектный и идиолектный аспекты (на материале эпических текстов Т.Г. Рябинина) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2015. 20 с.

16. Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Сказительский идиолект Т.Г. Рябинина (на материале словаря былинной лексики) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. № 7 (184). С. 19–25.

17. Бобунова М.А. Об исследовательском потенциале лексикографических комплексов фольклорных текстов // Вопросы лексикографии. 2023. № 28. С. 44–65.

18. Бобунова М.А. Алфавитно-частотный словарь былин В.П. Щеголёнка // Лингвофольклористика. 2022. № 36. С. 49–60.

19. Праведников С.П. Предлоги в идиолекте пудожского сказителя А.Е. Чукова // Лингвофольклористика. 2024. № 39, ч. 1. С. 61–93.

20. Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. 2-е изд. СПб. : Тип. Имп. АН, 1894–1900.

21. Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб. : Наука, 1965–2014. Вып. 1–47.

22. Бобунова М.А. Конкорданс XXI в.: новая старая форма // Вопросы лексикографии. 2016. № 2 (10). С. 41–54.

23. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1981–1984.

24. Жирмунский В.М. Проблемы сравнительно-исторического изучения литературы // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1960. Т. XIX. Вып. 3. С. 177–186.

25. Бобунова М.А. Сердце в русском эпосе // Лингвофольклористика. 1999. № 1. С. 27–31.

26. Сабынин А.Н. Основные виды дискретно-ритмических конструкций в текстах русских былин : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987. 18 с.

27. Блинова О.И. Теория → словарь → теория → словарь // Вопросы лексикографии. 2012. № 1 (1). С. 6–26.

References

1. Miller, O.F. (1869) *Sravnitel'no-kriticheskie nablyudeniya nad sloevym sostavom narodnogo russkogo eposa. Il'ya Muromecz i bogatyrstvo Kievskoe* [Comparative-critical observations on the layer composition of the folk Russian epic. Ilya Muromets and the Kiev bogatyrdom]. St. Petersburg: tip. N.N. Mikhaylova.
2. Rybnikov, P.N. (1989) *Pesni, sobrannye P.N. Rybnikovym: v 3 t.* [Songs collected by P.N. Rybnikov]. Vol. 1. Petrozavodsk: Kareliya.
3. Gil'ferding, A.F. (1894) Oloneczkaya guberniya i ee narodnye rapsody [Olonets province and its folk rhapsodies]. In: *Onezhskie byliny, zapisannye A.F. Gil'ferdingom letom 1871 goda: V 3 t.* [Onega bylinas recorded by A.F. Gilferding in the summer of 1871: In 3 vols]. 2nd ed. Vol. 1. St Petersburg: Tipografiya Imperial Academy of Sciences. pp. 1–62.
4. Bogatyrev, P.G. (1971) *Voprosy teorii narodnogo iskusstva* [Issues of folk art theory]. Moscow: Iskusstvo.
5. Novikov, Yu.A. (2000) *Skazitel' i bylinnaya traditsiya* [The Storyteller and the Storytelling Tradition]. St. Petersburg: Dm. Bulanin.
6. Ukhov, P.D. (1957) Tipicheskie mesta (loci communes) kak sredstvo pasportizacii bylin [Loci communes as a means of passporisation of bylinas]. In: *Russkiy fol'klor* [Russian folklore]. Vol. II. Moscow; Leningrad: IRL USSR AS. pp. 129–154.
7. Kozhinov, V.V. (1999) *Istoriya Rusi i russkogo slova* [History of Russia and the Russian word]. Moscow: Algoritm.
8. Skaftymov, A.P. (1924) *Poetika i genezis bylin: ocherki* [Poetics and genesis of bylinas: essays]. Moscow; Saratov: Knigoizd-vo V.Z. Yaksanova.
9. Lyutikova, V.D. (1999) *Yazykovaya lichnost' i idiolekt* [Language personality and idiolekt]. Tyumen: Tyumen State University.
10. Makarova, N.V. (2000) *Idiolekt skaziteley v aspekte bylinnogo tekstoobrazovaniya* [The idiolekt of the narrator in the aspect of Bylin text formation]. Abstract of Philology Cand. Diss. Voronezh.
11. Popova, G.S. (2018) Idiolekt skaziteley v epicheskom slovare ulusa [Idiolekt of narrators in the Ulus epic vocabulary]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*. 2. pp. 46–50.
12. Rodionov, M.S. (2014) Vliyanie lichnosti skaziteley na informatsionnoe pole byliny [The influence of the narrator's personality on the information field of the bylinas]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 16 (345). *Filologiya. Iskusstvovedenie*. 91. pp. 112–116.
13. Karavaeva, M.A. (1997) *Idiolekt bylinnogo pevtsa* [The idiolekt of the epic singer]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kursk.
14. Khrolenko, A.T. (2000) Idiolekt bylinnogo pevtsa v slovare yazyka russkogo fol'klora [The idiolekt of the epic singer in the dictionary of the language of Russian folklore]. In: *Master i narodnaya khudozhestvennaya traditsiya Russkogo Severa* [Master and the folk art tradition of the Russian North]. Petrozavodsk: Kizhi Museum-Reserve. pp. 298–308.

15. Kholtochina, A.S. (2015) *Leksika bylinnogo teksta: zhanrovyy, dialektnyy i idiolektnyy aspekty (na materiale epicheskikh tekstov T.G. Ryabinina)* [Lexicon of the Bylina text: genre, dialect and idiolect aspects (on the material of epic texts by T.G. Ryabinin)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Belgorod.
16. Bobunova, M.A. & Khrolenko, A.T. (2019) Skazitel'skiy idiolekt T.G. Ryabinina (na materiale slovary bylinnoy leksiki) [T.G. Ryabinin's narrator's idiolect (on the material of the dictionary of bylina lexicon)]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 7 (184). pp. 19–25.
17. Bobunova, M.A. (2023) Ob issledovatel'skom potentsiale leksikograficheskikh kompleksov fol'klornykh tekstov [On the research potential of lexicographic complexes of folklore texts]. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 28. pp. 44–65. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/28/3
18. Bobunova, M.A. (2022) Alfavitno-chastotnyy slovník bylin V.P. Shchegolyonka [Alphabetic-frequency dictionary of bylinas by V.P. Schegoleonok]. *Lingvofol'kloristika*. 36. pp. 49–60.
19. Pravednikov, S.P. (2024) Predlogi v idiolekte pudozhskogo skazatelya A.E. Chukova [Prepositions in the idiolect of the Pudozhsk narrator A.E. Chukov]. *Lingvofol'kloristika*. 39 (1). pp. 61–93.
20. Hilferding, A.F. (1894–1900) *Onezhskie byliny, zapisannye A.F. Gil'ferdingom letom 1871 goda: v 3 t.* [Oneza epics recorded by A.F. Hilferding in the summer of 1871: in 3 vols]. 2nd ed. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
21. Sorokoletov, F.P. (1965–2014) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vols 1–47. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka.
22. Bobunova, M.A. (2016) Concordance of the 21st century: a new old form. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 2 (10). pp. 41–54. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/10/3
23. Evgen'eva, A.P. (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Russian language dictionary]. Vols 1–4. Moscow: Rus. yaz.
24. Zhirmunskiy, V.M. (1960) Problemy sravnitel'no-istoricheskogo izucheniya literatur [Problems of comparative-historical study of literatures]. *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka*. XIX (3). pp. 177–186.
25. Bobunova, M.A. (1999) Serdtse v russkom epose [Heart in the Russian epic]. *Lingvofol'kloristika*. 1. pp. 27–31.
26. Sabyinin, A.N. (1987) *Osnovnye vidy diskretno-ritmicheskikh konstruksiy v tekstakh russkikh bylin* [The main types of discrete-rhythmic constructions in the texts of Russian bylinas]. Abstract of Philology Cand. Diss. Leningrad.
27. Blinova, O.I. (2012) Theory → dictionary → theory → dictionary. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1 (1). pp. 6–26. (In Russian).

Сведения об авторе:

Бобунова Мария Александровна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Курского государственного университета (Курск, Россия). E-mail: bobunova61@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Mariya A. Bobunova, Dr. Sci (Philology), professor, Kursk State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: bobunova61@mail.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.10.2024;
одобрена после рецензирования 14.11.2024; принята к публикации 10.12.2024.*

*The article was submitted 11.10.2024;
approved after reviewing 14.11.2024; accepted for publication 10.12.2024.*